

Цзян Чжунсюэ стояла на коленях рядом с ней, проводя пальцами по неповреждённой половине её лица. Внешне спокойная, с мрачным взглядом, она тихо произнесла: «Неважно, в каком уголке этого тела ты прячешься. Когда я разрежу его на куски, превращу все мышцы в фарш, я всё равно найду твоё убежище. Сиши, ты говорила, что заставишь Чаншэн пожалеть о том, что родилась на свет. Теперь я возвращаю тебе эти слова в точности».

Её кинжал безжалостно скользнул вниз, слегка приподняв слой кожи на бледной, нежной поверхности. Кожа на лезвии отделилась, обнажив его форму.

Она была терпелива и хладнокровна. Рука, держащая нож, не дрогнула, медленно отделяя кожу от плоти, словно намереваясь снять её целиком, чтобы обнажить нетронутое тело.

Кровь стекала по её рукам, скользкая, влажная и тёплая, согревая ладони.

Юй Инь наконец открыла глаза.

Цзян Чжунсюэ остановила кинжал, блуждавший под кожей, и без тени удивления спросила: «Очнулась?»

Казалось, ей даже немного жаль останавливаться.

Выражение лица Юй Инь на мгновение исказилось, будто вся боль тела устремилась по нервным окончаниям в мозг. Но вскоре её дух стабилизировался.

Цзян Чжунсюэ, стоя на коленях рядом, убрала окровавленный кинжал и холодно спросила: «Говори, как попасть в твою родину?»

На изуродованном лице лишь один уцелевший глаз повернулся в сторону ошеломлённой госпожи Юй и пилота.

Цзян Чжунсюэ проследила за её взглядом. Выражение лица госпожи Юй выдавало крайнее потрясение, пилот же выглядел не лучше.

Человек, которого вот-вот должны были расчленить, весь в крови, просыпается, и первым делом не кричит от боли, а просто смотрит в их сторону.

Но дальнейшие события развернулись так стремительно, что Цзян Чжунсюэ не успела среагировать. Глаза Юй Инь наполнились слезами, и она внезапно закричала так пронзительно, что, казалось, звук разорвёт барабанные перепонки: «Мама! Мама! Мне так больно! Спаси меня!»

Её плач и крики были невероятно громкими — трудно было поверить, что их издаёт умирающая. Госпожа Юй тут же вскрикнула, изо всех сил оттолкнув остолбеневшего пилота, и с решимостью идти до конца бросилась на Цзян Чжунсюэ!

Цзян Чжунсюэ не ожидала, что Сиши, скрывающаяся в оболочке Юй Инь, пойдёт на такое. Та рассчитала верно: этот крик должен был разжечь материнский гнев госпожи Юй докрасна. В такой момент, даже идя на верную смерть, та не дрогнула бы ни секунды!

Госпожа Юй ринулась на неё, словно разъярённая львица, глаза налились кровью, будто она готова была сразиться насмерть, пусть даже её шансы были ничтожны. В этот миг, защищая дочь, она не могла отступить!

Цзян Чжунсюэ не успела опомниться, как госпожа Юй оказалась прямо перед ней.

Подобно обезумевшему зверю, госпожа Юй потянулась, чтобы вырвать кинжал из рук Цзян Чжунсюэ, отчаянно крича и пытаясь оттолкнуть её, чтобы упасть на колени, крепко обнять Юй Инь, поднять её и бежать, не давая Цзян Чжунсюэ вновь причинить вред.

Цзян Чжунсюэ немного отступила, не желая впутывать в это посторонних и ранить невинных. Она привела мать Юй Инь с собой по двум причинам: во-первых, та упорно следовала за ней по пятам, и без её приказа вертолёт не взлетел бы. Во-вторых, семья Цинь всё же действовала по поручению семьи Юй, и она, взвесив всё, решила, что лучше привести госпожу Юй сюда, чтобы та своими глазами увидела чудовище в теле дочери и прекратила вражду с семьёй Цинь. Ведь та думала, что именно Цинь виноваты в страданиях её дочери.

Достаточно было бы ей понять, что в теле Юй Инь обитает уже не душа её дочери, а другое чудовище, и тогда, как бы ни было больно, она перестала бы винить во всём семью Цинь.

Но она явно недооценила материнский инстинкт госпожи Юй.

Она-то знала, что в теле Юй Инь — чудовище. Но госпожа Юй не знала. Она видела лишь свою дочь, лежащую на земле истерзанной, ту самую, которую она с таким трудом выносила и родила. С истеричным криком она бросилась на Цзян Чжунсюэ, пытаясь, спотыкаясь, унести Юй Инь прочь.

Цзян Чжунсюэ на мгновение замешкалась.

Кто бы мог подумать, что у Сиши припасена такая уловка? Тот крик полностью пробудил материнский инстинкт госпожи Юй. Если бы Цзян Чжунсюэ сейчас попыталась продолжить, та, без сомнения, пошла бы с ней на смертный бой.

Что ж, пусть идёт.

В глазах Цзян Чжунсюэ мелькнула тень. Госпожа Юй, ослеплённая материнским инстинктом, забыла, что она всего лишь слабая женщина, пытающаяся унести на руках дочь, которая весит почти столько же, сколько она сама. Как ей убежать от Цзян Чжунсюэ?

Кинжал в руке Цзян Чжунсюэ всё ещё был усеян каплями крови.

Загнанный в угол зверь будет бороться до конца. Даже если крик Сиши и пробудил материнский инстинкт госпожи Юй, это лишь добавило ещё одну жертву.

Но в тот миг произошла неожиданная перемена.

Госпожа Юй, с трудом подняв Юй Инь, попыталась побежать к вертолёту, но вдруг рухнула на землю.

Сердце Цзян Чжунсюэ ёкнуло, и она быстро подошла. Пилот вертолёта, увидев, как госпожа Юй забрала мисс Юй, уже вернулся в кабину, запускал двигатели и ждал, когда они подбегут, чтобы улететь вместе.

Но теперь, по неизвестной причине, госпожа Юй просто упала замертво. Сидя в кабине, он лишь громко кричал, мечась, как муравей на раскалённой сковородке: не решаясь выйти и не мог улететь один.

Цзян Чжунсюэ внезапно подумала: может, Сиши наконец покинула это тело и собирается вселиться в кого-то другого?

Она хочет вселиться в госпожу Юй?

Цзян Чжунсюэ мысленно выругалась и в несколько прыжков оказалась рядом с госпожой Юй. Та лежала на земле, тело Юй Инь распласталось на ней. Кровь ручьём стекала по коже госпожи Юй, но из-за чёрного женского костюма это было не так заметно.

Цзян Чжунсюэ оттащила Юй Инь в сторону. Госпожа Юй лежала на земле, казалось, без сознания.

Похоже, она успела вовремя — тело Юй Инь ещё не умерло. Несмотря на кровотечение, дыхание ещё сохранялось.

Цзян Чжунсюэ слегка успокоилась. Пока оно в этой оболочке — всё под контролем.

Госпожа Юй, кажется, потеряла сознание от падения, но вот переселилось ли чудовище из тела Юй Инь в неё — неизвестно.

Цзян Чжунсюэ нахмурилась и отвесила госпоже Юй пощёчину.

Та медленно пришла в себя.

Вертолёт наверху зарокотал, и пилот, наконец, решившись, поднял машину в воздух. Огромный винт поднял ураганный ветер, в котором длинные волосы Цзян Чжунсюэ развевались, словно знамя.

Госпожа Юй, едва очнувшись, подняла глаза и увидела, как Цзян Чжунсюэ грубо тащит Юй Инь, словно тряпичную куклу. Её глаза тут же наполнились слезами, и она бросилась вперёд, чтобы отобрать дочь, с ненавистью и яростью выкрикивая: «Верни мне мою дочь!»

Цзян Чжунсюэ просто махнула рукой и швырнула Юй Инь в её сторону. Госпожа Юй, не ожидавшая этого, отшатнулась, сбитая с ног телом дочери.

Она поспешно подхватила Юй Инь, не веря своим глазам, но тут же крепко прижала её к себе.

Тон Цзян Чжунсюэ был ледяным. Она отошла в сторону и опустилась на траву, внезапно спросив: «Госпожа Юй, скажите: вы любите эту плоть и кровь, которую вынашивали десять месяцев, или душу и характер вашей дочери, сформировавшиеся за долгие годы вашего воспитания?»

Сделав паузу, она продолжила: «Иначе говоря, если в теле вашей дочери окажется кто-то другой, кто убьёт её душу и займёт её тело, примете ли вы это тело и будете ли считать его своей дочерью?»

В голове госпожи Юй царил хаос, и сейчас ей было не до философских вопросов. Прижимая к себе окровавленную Юй Инь, она сквозь стиснутые зубы прошипела: «Моя дочь — это моя дочь! О чём ты вообще говоришь?»